

Сухаревская Л. П.

1986/III

СВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва
6 МАР 1986

А ЕСЛИ НРАВИТСЯ ЖИТЬ?

Один прекрасный актер, зовут его Юрий Васильевич Катин-Ярцев, смущенно тая эмоции в своей ласковой улыбке, сказал: «Кем я восхищаюсь, так это Лидией Павловной Сухаревской. Какая человеческая неумелость! Какой интерес к жизни!».

А я и сам это предполагал. Знаете, творческий труд многое говорит о человеке, за него не спрячешься, за ним не утаишь себя. В роли можно растворить только персонаж, а себя растворить нельзя. У сцены есть «четвертая стена», и вот через нее-то мы видим самого актера.

Одним словом, сегодня мы с вами, воспользовавшись любезностью народной артистки РСФСР Лидии Павловны СУХАРЕВСКОЙ, напросились к ней на разговор об «интересе к жизни».

— Лидия Павловна, признаюсь, я так и не нашел более активного, более яркого выражения, чем «интерес к жизни». Как-то вяло, расхоже звучит. А речь-то не о том, чего бы интересенького увидеть, услышать, достать. Речь о том, «чего бы понять». А чего понять? Нравственные постулаты очевидны и просты, если не запутывать их своим, мягко говоря, несовершенством.

— «Несовершенство» в данном случае заключается в лени сердца и ума. Возможно, иногда это и непоправимо, бывает ведь врожденный порок сердца. Впрочем, это медицинская категория. Я как раз верю, что в любом «ленивце» можно пробудить интерес к миру, в котором он живет. Именно пробудить, ибо в каждом он заложен. Любимый человек, войдя в незнакомую комнату, волею-неволею осматривается, обостренно реагирует на все незнакомое. А любой человек от рождения входит в незнакомый мир. Тут уж впечатлений побольше, чем от незнакомой комнаты.

Вы знаете, у меня много любимых занятий. Но, пожалуй, больше всего я люблю наблюдать малышку где-нибудь на скверике. Плюхнусь на скамейку и сижу, сижу, смотрю, смотрю. Это такой театр жизни! Такое наблюдается постижение! Дети не бывают безучастными. Впрочем, и безучастных взрослых я не встречала. Хотя нет, их не быть не может. Видимо, я просто не обращала на них внимания, они мне, видимо, были просто неинтересны.

— Я бы не стал резко делить людей на взрослых и детей. Та же самая модель. Дети, как и взрослые, бывают добрые и злые, умные и глупые, доверчивые и скрытные. Я думаю, относиться к ним надо так же естественно, как и к взрослым.

— Верно. Но это очень трудно. Ребенок привык, что взрослый общается с ним на «детском» языке. Ребенок хочет нас понять, а через сиюминутные как нас разглядеть? Но если к ребенку обратиться «нормальным способом», он настораживается. Непривычный звук. И через эту настороженность иногда трудно пробиться.

То есть мы сами своим неумением мешаем интересу ребенка к жизни, к людям. Когда взрослые фальшивят друг с другом, то у них есть опыт отсеивания фальши. У ребенка этого опыта нет. Его

исследования не замутнены, у него нет дурного опыта. Он даже если хитер, то все равно простодушен.

— Вы в этом суждении опираетесь на личный детский опыт?

— Ой, нет! Хитра я не была, но и простодушна не была тоже. Жизнь не позволила. У меня было трудное, голодное детство в деревне. Странно вспоминать — я была замкнута, одинока и вместе с тем чрезвычайно общительна. Я бы даже сказала, коллективна. Обожала наши ребячьи ватаги, отчаянная была, лезла в командиры. И вместе с тем очень одинока и замкнута. Как это сейчас объяснить, осмыслить с высоты лет?.. Сложно, очень сложно.

Все-таки опыт детства не во всем можно накладывать на дальнейшую жизнь. Любила ловить рыбу. Ходила одна на речку Камешник. Копала червей, насаживала их на крючок... А взрослой представить для себя подобное занятие не могла — мучить, губить живые существа? Я, правда, грешу сентиментальностью, но тут о чем-то о другом. Видимо, детство проходит и через пору жестокости. И вот с этим «опытом» взрослому потом надо в себе категорически разобраться. Это вопрос серьезнее, чем на первый взгляд кажется. Широкого толка вопрос.

— Но ведь детство в деревне — это такой запас прекрасного: красота небес, полей, лесов, тропинок, закатов. В деревенском детстве и солнце крупнее, и лягушки крупнее.

— Нет, ничего это ко мне отношения не имело. Уж не обессудьте! Скорей, я бы вот что отметила. Взрослая жизнь в моем детстве проходила очень близко. У нее от меня тайн, к сожалению, не было. Все на глазах шло. Вы меня понимаете? А вы говорите — тропинки, закаты! У меня было несурзное детство. Возможно, потом это «знание» пригодилось в моей жизни на сцене.

Впрочем, едва ли красота природы так уж прошла мимо. Где-то в 10 лет я начала активно читать. И знаете, моими любимыми писателями были Кольцов, Никитин, Некрасов. Видите, вроде бы дуреха, на природу и не глядела, не испытывала, видите ли, интереса к ее жизни. А все, оказывается, откладывалось в душе-то. Так что «интерес к жизни» — это не задание, которое мы себе зада-

ем. Подспудный процесс. Я так долго говорю о детстве, потому что уж очень многое происходит и решается именно там.

— Лидия Павловна, но ведь для вас поиск жизни, как нетрудно догадаться, — это поиск своего актерского труда.

— В актрисы я вовсе не собиралась. Если бы сказала что-то такое в семье, засмеяли бы. Семья у нас была печальная, но смешливая. Мама меня устроила на курсы кройки и шитья. Но, знаете, кому суждено быть повешеным... На этих курсах оказался драмкружок. И Анастасия Николаевна Чечулина

«наладила» меня учиться на актрису. Что было дальше, вы знаете.

— Ну, и тут я, конечно, жду поскорее узнать, как вам пригодился опыт жизни на подмостках сцены.

— Хотелось, чтобы все в нашем разговоре складно получалось?

Первая роль была Марики в «Огнях Ивановой ночи». Я играла женщину, которая любила и которую бросили. Я тут же влюбилась в моего партнера. Я очень много влюблялась. Но давайте мне поверим, это было чисто и светло. Я любила любовь. Можно ведь любить любовь? Вообще любовь человека к человеку, к цветам, к погоде. Любовь — это прекрасный путь постижения жизни, это уже осознанное постижение красоты жизни. Видите, какое мы с вами сделали «открытие». Философы!

— Я все-таки уверен, что жизненный опыт не может обойти стороной ролей актрисы.

— Красиво звучит. И правильно, конечно. Я не могу разделить себя на актрису и человека.

Полноту этого сочетания я испытала, например, в спектаклях по пьесам «Мать» Чапека и «Визит дамы» Дюрренматта. Вот это была полная осознанная отдача. Здесь я много отдала своего. Я прожигала эти роли. Я испытала безмерное счастье Театрал! Можно испытать счастье и от

незатейливой, милой роли. Но оно быстро забывается. А дорого то, что остается с тобой на всю жизнь.

У нас с вами как-то все оборачивается, что актер обогащает роль своим жизненным опытом. А ведь и роль обогащает актера своим жизненным опытом. Помню, как-то поручили роль молодому парню. Мне его убить хотелось. Уж такой равнодушный увалень. На читке пьесы зевал. На репетициях хоть со сцены гони. И вдруг на одной из репетиций я увидела его глаза. Я увидела — в человеке что-то проснулось. Это сыграть нельзя, поверьте мне. Это очулся в нем человек, его человеческая боль. Запросился наружу его человеческий опыт. Творчество воспитывает самого творца. Вот ведь какое таинство!

— Мы как-то свели разговор к искусству. Но ведь интерес к жизни, полнота жизни — это критерий для любого человека. Без этого невозможно стать мастером ни в каком деле.

Недавно меня позначили с Валентином Федоровичем Савельевым. Пригласили посмотреть его картины. Я в этом не специалист, но мне очень понравилось. Причем все полотна написаны им в походах по самым таежным местам. Такое мощное самовыражение жизни. А какой он прекрасный собеседник! По профессии Валентин Федорович оказался парикмахером. И как говорят, высочайший мастер в своем деле. И я совершенно уверен, что именно жизнь его внутренне-го мира позволяет ему быть художником в своей профессии.

— Секунды в этом не сомневаюсь! Мастер в любом деле — это как бы промежуточное звено. Жизнь обогащает его опытом, а он этот опыт несет дальше, в свой труд.

Духовность человека, если сама по себе, — лишь украшение. Да, он прекрасен! Ну, и что? Что за богатство за семью замками? Я корыстно отношусь к человеческой духовности. Есть у меня добрая знакомая — Александра Михайловна. Какой глубокой, тихой красоты человек! Она всю свою трудящуюся жизнь отдала Дому ребенка, малышам, от которых отказались родители. Понимаете, все, что в ней есть, все отдано этим малышам. И тихо, скромно, повседневно. Вот эта плодотворная доброта и есть вершина творчества души. Можно жить около жизни, а можно — в жизни.

А если без громких эмоций, Александра Михайловна — это пример нравственного отношения к своему труду. И ваш знакомый Валентин Федорович — это творческий путь к своему труду. Меня очень волнует то, что именно сегодня происходит в нашем обществе.

И как же ошибается тот, кто думает, что дело лишь в материально-технической базе. Самые выдающиеся научные помыслы, самые великолепные станки, самые разумные сельскохозяйственные методы — все тщетно без вдохновенного участия Личности, без преданности своему делу.

Понимаю, это красиво звучит. Но ведь это так и есть.

А если заглянуть в Завтра? Мы же идем на высочайший уровень. Ведь просто-напросто не будет такой работы, такой профессии, которая позволит бездуховное отношение к ней, отношение без щедрой отдачи, если угодно, без любви. Да, человек должен быть влюблен в свой труд, в жизнь... и даже немножечко в самого себя. Я считаю, что достойному человеку позволительно неплохо к себе относиться. В этом ведь мелодия счастья.

— То есть постижение жизни через любовь, доброту и щедрость? В эту линию выстроился наш разговор?

— Выстроился! Как его выстроишь? Как жизнь «в линию» выстроишь? Она многообразна. Едва ли мы с вами найдем окончательное количество все объясняющих слов...

Слова, слова... Когда меня хватил инфаркт, я, конечно, очень испугалась, стала звать на помощь. А потом вдруг замолчала и почему-то сказала: «Воля и интеллект!» Это были последние слова перед тем, как отключиться на две недели в небытие. А может, и не на две недели, а на вечность? Кто знает!

Что я сказала? Что имела в виду? Затрудняюсь объяснить. Воля к жизни и дарованный жизнью интеллект? Как средство спасения или последняя благодарность за них? Не знаю. Но мое существо пронесло именно эти слова. Возможно, в них тоже тайна жизни?

— Да, аналитические выкладки тут достаточно бесполезны. Жизнь ставит задачи без ответов в конце задачника.

— Слушайте, а я поняла — вы совершенно напрасно обратились ко мне! Я абсолютна не способна к анализу. Я не изучаю жизнь, а просто живу. Нет, головой я понимаю, что надо себя осмысливать, отдавать себе отчет в самой себе. А на практике не получается. Живу — радуюсь, злюсь, смеюсь, плачу, отчаиваюсь. Часто отчаиваюсь. И мне это все очень по душе. Мне нравится, что я родилась человеком, а не травинкой или облаком. И именно поэтому я располагаю мироощущением, миропониманием. В меру своих сил.

— А чего вам не хватает для полноты жизни?

— Роль!

Э. ГРАФОВ.
Фото М. Чернова.